

К. В. Элле

Акатуй

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э47

Э47 **Элле К.**
Акатуй / К. В. Элле – М.: Книга по Требованию, 2026. – 46 с.

ISBN 978-5-521-39131-8

ISBN 978-5-521-39131-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

АКАТУЙ.

„Основой хозяйства является человеческий труд“ (М. Н. Покровский).

„Труд—отец богатства, а земля—мать его“ (Вильям Петти).

„Труд создал самого человека“ (Энгельс).

I.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕГО „АКАТУЙ“ И „СИНЬЗЕ“ И ИХ КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ.

Верная заветам В. И. Ленина, ВКП(б) поставила одной из основных задач второй пятилетки „преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей“. Окидывая мысленным взором участок, намеченный для наступления социализма, тов. Сталин заостряет внимание строителей социализма на идеологии, унаследованной от прошлого и поддерживаемой настоящим капиталистическим окружением. „Можно ли сказать,—подчеркивает он,—что мы уже преодолели все пережитки капитализма в экономике? Нет, нельзя этого сказать. Тем более нельзя сказать, что мы преодолели пережитки капитализма в сознании людей. Нельзя этого сказать не только потому, что сознание людей в его развитии отстает от их экономического положения, но и потому, что все еще существует капиталистическое окружение, которое старается оживлять и поддерживать пережитки капитализма в экономике и сознании людей в СССР и против которого мы, большевики, должны все время держать порох сухим... Вот почему нельзя говорить, что борьба кончена, и нет больше необходимости в политике наступления социализма“¹. Отсюда ясно, что в связи с задачами борьбы на идеологическом фронте вопрос о социально-экономических корнях религии является весьма актуальным.

В настоящей работе мы задались целью выяснения происхождения и развития религиозного праздника у чуваш „Ака (или сабан) туй“, связанного с окончанием весенней пашни и „Ѕинѣ“ (чит. „синьзе“), связанного с цветением полей, против которых сатрапы царя и церкви особенно упорно боролись. „В двух деревнях Тюрлеминского прихода, смежных с д. Янгильдиной, чуваш пасху не празднуют, и во время хождения с иконами застаешь и женщин работающими. Говорят, что раньше раза два праздновали пасху, а потом из-за неурожая хлебов (т. е. когда национальные боги ревниво ополчились на чуваш из-за русского конкурента—бога, К. Э.) бросили праздновать ее. И вот уже два с половиной года тружусь в этом, чуваш не почитают св. дней, деревни празднуют „сабан“, жалуется поп Тюрлеминской церкви в летописи за 1868 г.

¹ Сталин. Отчетный доклад к XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 40. Партиздат, 1934 г.

Известный влиятельный миссионер Д. Ф. Филимонов через нарочного громогласно оповестил окрестных чуваш на одном из многолюдных базаров в с. Ковалях, что „Акатуй“ в д. Кудеснерах в текущем 1899 году праздноваться не будет. После этого Филимонов в летопись церкви с Мусирмы самодовольно заносит: „Мая 9 в д. Кудеснерах никого не было и празднование „Акатуй“ навсегда было оставлено“.

„Сабан“¹, полнее „сабан (или ака) туй“, буквально значит свадьба (пир) плуга (деревянного), косули; у мари (черемисов) „ага парэм“², у удмуртов „ага яшки“—„весенний праздник пашни“. Праздновался он, обычно, скоро после пасхи, примерно, в продолжение недели, а последнее время лишь один день, именно, в одну из пятниц по окончании весенней пашни³. В этот день устраивали борьбу, конские скачки, бег взапуски. Победителям давали недорогие подарки, как-то: головные платки, полотенца и т. д. Особенное внимание при этом заслуживает обычай кидания палок молодежью, по которому старший родич гадал о судьбе кидавших⁴. О том, что гаданье палкой здесь не случайно, можно догадаться без особого труда. В этой палке не трудно видеть первобытную палку-копалку, которая в хозяйстве первобытного общества играла весьма немаловажную роль. В раннюю пору мотыжного земледелия, будучи основным орудием производства, палка-копалка действительно могла считаться и считалась священным предметом. Усекаем наше описание праздника на этом. За подробностями его отсылаем к имеющейся о нем литературе⁵. Вместе с тем подчеркиваем, что приведенный пережиток и многие тому подобные обычаи, конечно, живых корней в народном сознании не имеют, а хранятся в нем лишь просто в силу косности общественного сознания. Из пережиточно сохранившихся других моментов этого

¹ „Удья-сабан“—орудие мотыжного земледелия у папуасских женщин, которые разбивали им еще при Миклухе-Маклае большие комья земли, изрытые их мужьями при помощи „удья“—простой заостренной палки.

² Г. Яковлев, Религиозные обряды черемис, стр. 26, 1885 г.

³ В д. Кудеснерах, Урмарского района „Акатуй“ справляли 9 мая, как уже было сказано выше. По данным летописи церкви с. Мусирмы, Урмарского района, чуваш в этот день начали справлять „Акатуй“ только после того, как стали почитать вместо пятницы воскресенье.

⁴ В. К. Магницкий, Материалы к объяснению старой чувашской веры, стр. 20. Палка эта, очень напоминает нам волшебный жезл *begiki* у орочей и *kbs*, „судьба“, „счастье“ у гиляков, который брали с собою ороч *zangje* „оратор“ и гиляцкий *xiaj nixux*, „оратор“, „красноречивый“, „толкующий человек“ для размахивания им при процедуре примирения ссорящихся между собою родов. Л. Я. Штернберг: „Семья и род у народов Северо-Восточной Азии“, стр. 22, 47, 48.

Укажем, кстати, и на легенду о священном посохе арабских проповедников, при помощи которого они чудесно исцелили дочь Айдар-хана Камско-Волжской Булгарии Туйбеку. И в настоящее время, как указывают исследователи, посох, хранящийся на возвышенном месте в каждой татарской мечети, служит знаком того важного на Волге события, как арабские проповедники (Талхабин Гусман) исцелили с помощью чудесной Магометовой трости больную дочь Булгарского хана и обратили целое царство Булгарское в ислам.

⁵ Проф. Ашмарин, Словарь чувашского языка, том I, стр. 83—84; Магницкий, Материалы к объяснению старой чувашской веры, стр. 18—28; Первый Всечувашский Краеведческий съезд. Тезисы доклада С. С. Кутишова, Чувашский народный обычай и новый быт, стр. 78. Чебоксары, 192 г. и др.

праздника можно, однако, заключить, что праздник „Акатуй“ является общераспространенным весенним народным праздником, в котором на заре истории наличные в нем „церемонии не сводились к простым зрелищам и процессиям, а были ещё магическими и религиозными обрядами“¹. Таким образом, происхождение этого праздника мы относим к самым отдаленным от нас временам, в глубь веков человеческой истории. Перефразируя Фрезера, мы ни мало не рискуем ошибиться, предположив, что праздник этот восходит к эпохе, когда у наших предков существовало распространенное верование, в известной мере основанное на фактах, что растения воспроизводят свой вид половым соединением мужского и женского начала, что, с другой стороны, согласно принципу гомеопатической или подражательной магии считалось будто это воспроизведение стимулируется бракосочетанием, реальным или символическим, мужчин и женщин, переряживающихся в духов растительности. Магические драмы этого рода играли большую роль в народных празднествах Европы. Доподлинным отголоском этой именно драмы, этих колдовских магических приемов, в незапамятные времена употреблявшихся для того, чтобы вызвать рост листьев и цветов, и является чувашский „Сабан (или ака) туй“. А так как великая мать, богиня плодородия—земля, будучи самой плодovитой матерью, естественно „должна была иметь себе партнера мужского рода“, то таковым в ту отдаленную магическую стадию мышления, прежде всего мог быть только деревянный „сабан“ (или „акапуç“) ‘плуг’, ‘косуля’, в разновидности та же русская „соха“, название одного из наидревнейших орудий производства (более усовершенствованного вида), в примитиве же своем изобретения матриархальных времен.

В докладе „Скифский язык“, расшифровывая названия металлов, Н. Я. Марр пишет, что „открытие металлов, в особенности ‘золота’ и изобретение ‘плуга’, настолько древнее явление, что они успели войти еще до возникновения письменных источников истории в систему космических представлений и до нас сохраниться в легендарных изложениях с приемами мифов“². Несколько выше, в той же работе, Н. Я. Марр время изобретения плуга определяет еще яснее. „С плугом и металлами, читаем там,—мы отходим от подлинной до-истории, более того—мы отходим от подлинно-архаичных государственных строительств исторических эпох, но так основательно забытых человечеством, что они представляются предметом до-истории и мифологического интереса, в действительности же это „до-история“ разве прометеидских („индоевропейских“) и семитических народов, „до-история“, успевшая у народов древнейшей формации протечь с мотыгой, металлами и плугом в строительстве исторических государств мирового масштаба и созидании общественного мировоззрения со связью космических явлений с металлами“³.

¹ Дж. Фрезер, Золотая ветвь, том IV, стр. 167.

² Н. Я. Марр, По этапам развития афетической теории, стр. 386. Москва—Ленинград, 1926 г.

³ Там же, стр. 353.

На основании материалов Р. Шмидт показала, что усложненный плуг, с которым связано дальнейшее развитие общества на территории Греции встречается, например, уже в VII веке, до нашей эры, т. е. в период разложения родового строя и перехода его в классовое общество¹. Совершенно бесспорно, что и наше примитивное сельско-хозяйственное орудие производства, подобно новейшим изобретениям индустрии, опиралось на целый ряд мелких предшествующих усовершенствований. Начальным орудием обработки почвы, как мы уже сказали, являлась простая палка-сук (=соха), сначала первая попавшаяся, а потом более или менее измененная и усовершенствованная путем заострения обжиганием на огне или отточения камнем, первое и последнее орудие производства женщин современных австралийцев², а далее палка с выемкой на одной стороне для копания. Впрочем, палка снабженная уже уступом, является дальнейшим развитием копательной палки, из которой потом получилась лопата с двумя уступами. Землю можно копать и при помощи острого вилообразного сучка на конце палки. Поэтому, одновременно с палкой-лопатой первые земледельцы могли быть вооружены, при разрыхлении почвы, и палкой с сучком на конце, вилообразным сучком, в роде Тейлоровской шведской кирки, вырванной прямо из земли или отломанной от дерева, которая в своем развитии дала известную мотыгу-кирку³. Вместо заостренной палки-копалки и палки-мотыги постепенно появляются те же орудия, но уже снабженные каменным грузилом или костью, которые делают их более удобными для взрыхления земли. Мотыга усовершенствовалась и превратилась, наконец, с введением экстенсивного хозяйства, в плуг, сначала везде без колес, вроде „до-исторического“ ютландского (Дания) плуга, найденного в Доструне или прусского неолитического плуга-сука, найденного в Добергольцах у Берлина, а потом и на колесах, как римский.

Что наречение означенных орудий сельско-хозяйственного производства совершалось по функциональности тоже очевидно. „Соха,—говорит, например, М. Н. Покровский⁴,—в одних славянских наречиях обозначает тоже, что и в русском—орудие для обработки земли, а в других—просто палку или жердь: последнее признается за основное. То же самое мы видим и у немцев: мотыга по немецки *die Hacke*—отсюда *hackbau* ‘мотыжное земледелие’, а на готском, как показывает Липперт по Гену, значит *крюк*⁵. Затем имеем русский „кол“, который связывается с греческим *skalis* ‘род мотыги’. Все эти термины родственны чувашским: „суха“ (*суха*) ‘соха’, в усечении „ака“ ‘плуг’, „хуṣṣак“ (*хуṣṣәк*) ‘палка’ ‘отломок’, в разновидности „хуṣṣак“ (*хуṣәк*) ‘мотыга’, ‘лопата’, „күсек“ (*küsek*) ‘рычаг’; лопата же по чувашски

¹ Шмидт, О мотыге в античном с/хозяйстве. Проблемы Истории Материальной Культуры, за №№ 5—6, стр. 45, АИМК, 1933 г.

² Летурно, Эволюция рабства, стр. 24.

³ Мотыга в чувашской огласовке ‘патак’ ‘палка’. Отсюда русский ‘багор’.

⁴ М. Н. Покровский, Очерки истории русской культуры, ч. I, стр. 23. Его же, Русская история в самом сжатом очерке, стр. 20.

⁵ Ю. Липперт, История культуры, стр. 38.

„кёреҫе“ (kəreҫe), кар (каг) ‘тесло’, наконец, чул (tul) ‘камень’ восходят к первоисточнику—к ‘руке’, по чувашски „алă“ (alə), в полной форме „хулă“ (xulə), ‘рука по локоть’, ‘ветка дерева’, с сибилантом „сулă“ (sulə) ‘браслет’ ‘плот’¹. Сюда же и русская „сила“, чувашское „хал“ ‘мочь’, „хал“ ‘род’ у гиляков², с усечением спиранта—„оль“ дети ‘своиченицы’, а у чуваш тот же термин в виде „ул“, (ul) в полной форме „ывăл“ (yvəl) ‘сын-дитя’, а в виде „халăх“ (xaləx) ‘группа людей’, ‘общество’. Итак, мы оказались с наидревнейшим племенным названием кар-ов, которым именовались наши предки. Если, таким образом плуг имеет свое существование за 2000 лет до нашей эры, то „путь, пройденный от нормальной мотыги—плуга и до настоящего плуга, по мнению д-ра К. Вейле вовсе не был очень долгим“³.

Если же учтем то, что „земледелие уже было развито еще в самом начале каменного века“, то, следовательно, нет ничего удивительного в том, что появление плуга мы относим к таким далеким временам, как матриархат. Известно, „что даже более позднее и более усовершенствованные формы плуга не связаны с упряжным животным и могут быть приведены в движение самим человеком“⁴. Во всяком случае, совершенно правильно то, что „для того, чтобы человек ценил скот, как рабочую силу, нужно наличие либо плуга, либо телеги“⁵. „Плуг (соха),—говорит М. Вебер,—в начальные времена повсюду представляет собою мотыгообразный инструмент, который ведут рукою, а позже влекут скотом; он лишь слегка разрывает землю и оставляет борозды в пашне“⁶. „Шведские предания сообщают шаги,—пишет Эд. Тейлор,—которыми развивалось и совершенствовалось земледелие. Деревянную мотыгу начали делать тяжелее, и люди стали ее волочить по земле, пропахивая, таким образом, борозду самым простым путем; затем орудие стали составлять из двух кусков, с рукояткою для пахаря „шестом или дышлом для людей, тащивших этот первобытный плуг; потом сѣшник стали оковывать железным наконечником, и, наконец, вместо людей стали запрягать волов или кобыл. Подобным образом, повидимому, мотыга перешла в плуг и тысячи лет ранее этого“⁷. Следовательно, было время на заре истории, когда плуг двигался только самим человеком подобно древнему Перуанскому плугу, когда еще человек не умел использовать рабочую силу животных в земледелии, сначала вола, а потом лошади, благодаря которым земледелие сделалось твердой основой для жизни

¹ Известно среди чуваш „сулă турă“ бог „сулă“. О нем особо в работе „Христианизация чуваш“.

² Л. Я. Штернберг, Семья и род у народов Северо-Восточной Азии, стр. 3. Ленинград, 1933 г.

³ Вейле, Первобытное общество и его хозяйство, стр. 96.

⁴ Там же, стр. 97.

⁵ И. Манасеин, Происхождение земледелия, стр. 8.

⁶ М. Вебер, История хозяйства, стр. 20.

⁷ Эд. Тейлор, Антропология, изд. III, стр. 214. (Перепечатано в 1924 г., Москва, 1924 г., стр. 165).

пахаря¹. Что это было именно так—показывает и пережиток в виде чувашского обряда „хёр сухи“ ‘девичья пашня’, обряда опахивания селения девицами, когда в плуг впрягаются сами же девицы. И если чувашское „хусăк“ ‘мотыга-лопата’, с одним выступом является видоизмененным названием „хушăк“ ‘отлом палки’ и чувашское „кёреçе“ ‘лопата’, а у мордвы (мокши) в виде „керьд“ ‘плуг’, там же в виде „кеть“ ‘рука’, ‘шкура’, у чуваш же в форме „кар“ ‘тесло’, у русских в виде „кирка“—термины в ближайшем родстве с чувашским „хёр“ (хэг) ‘девица’, то чувашский „ака (пуç)“,—лишь разновидность термина родства. Акай (акај) или „аки“, „акка“ ‘старшая сестра говорящего’. Да и „сабан“, кроме своего собственного названия, ведущего нас к „сурбан“ ‘женский головной убор’, в разновидности „Хорбан“ ‘божество’ и в виде „шёпён“ ‘палка-лопата’ для рытья картошки (у верх. чуваш), ‘бородавка’, т. е. „знак“, „примета“, что тоже вполне закономерно,² в полной форме „Шербень“—‘женское имя’ сохранил воспоминание о своей причастности к женской половине, как орудие производства первоначально безусловно женщины, и во всей остальной номенклатуре.

Познакомимся с этой номенклатурой по данным, имеющимся в литературе³. Как известно, „существенными частями этого старинного сельскохозяйственного орудия являются два дубовых сучка, расположенные рядом и связанные двумя перекладинами и на верху одной“⁴. Это и есть „акапуç аври“ ‘ручки плуга’, которые представляют собой два разветвления: одно из них, правое, за которое пахарь держится правой рукой, называется „аça тураçе“ ‘мужская ветвь’, она же называется „çурă турат“ ‘половина ветви’. Левая ручка сабана, в отверстие которой вставлен задний конец крядиля, называется „ама турат“ ‘женская ветвь’⁵. По материалам Н. И. Ашмарина, в иных местах эти ручки сабана называются наоборот, т. е. левая ручка называется „аça турат“, а правая—„ама турат“. Такое перемещение названий, по мнению проф. Ашмарина, является „недоразумением“⁶. Мы же не видим здесь никакого недоразумения. Утверждаем, что такая номенклатура является первичной. Просто в данном случае проф. Н. И. Ашмарин, сам того не подозревая, отдал дань „закону косности“, по которому все слабое, левое приписывается женскому (как бы слабому) полу, а сильное—мужскому. Отсюда правая ручка сабана, за которую пахарь—мужчина держится правой рукою, должна быть названа, по

¹ Во время посадки и рытья картошки местами чуваша ручной сохой пользовались вплоть до последних времен. Такая соха из с. Больших Арабозей, Батыревского района передана Чувашскому Центральному Музею в 1930 г., где теперь она и хранится.

² Из высказываний по настоящему докладу было видно, что многозначность (полисемантизм) разбираемого термина послужила камнем преткновения и для преп. русского языка в Чув. Пед. Институте С. П. Павлова. Сторонник нового учения о языке, неоднократно подчеркивавший в своем выступлении значение яфетической теории, С. П. Павлов, видимо, несвободен еще от той „косности“, которую мы ниже отмечаем у проф. Ашмарина.

³ См. также приложение № 1.

⁴ Проф. Ашмарин, *Словарь чувашского языка*, вып. 1, стр. 73.

⁵ Там же, стр. 67.

⁶ Там же.

проф. Ашмарину, непременно мужским именем, а левая ручка его, как не имеющая решающего значения в работе — женским именем. Мы так срослись с этой действительно консервативной точкой зрения, что даже и сейчас, на семнадцатом году Октябрьской революции, нам не без труда удается представить себе, а тем более признать пережитый человечеством матриархат с инициативой в жизни в руках женщин. „Люди чрезвычайно упорно держатся раз пробитой колеи и весьма неохотно покидают ее для новых путей“¹. Подверженность учёных косности Энгельс заметил еще давно. Указывая на естествоиспытателей, Энгельс пишет, что они находятся под влиянием „так называемых образованных людей“ и над ними „господствуют остатки давно прошедших философских систем“². Конечно, не случайно удержался в языке и этот второй вариант названий ручек сабана, который проф. Ашмарин почел „недоразумением“. Да иначе и быть не могло. Не было ему, мужчине, места у первобытного плуга так же, как нет ему дела в обряде „хёр аки“ или „хёр сухи“, осмысление которого мы дали в упомянутой нами ниже нашей диссертационной работе. Разрыхляла и правила сабаном на заре истории женщина. Естественно, поэтому, что основная ручка сабана удержала название своей изобретательницы, своей полноправной владельницы — женщины. Только в этом случае и только в такой постановке вопроса имеет смысл наречение ручек сабана именами полов и название его старушкой в чувашской загадке: „нумай пулмаст суралтӑм, ват карчӑка улӑштар-тӑм („акапус“); „Недавно родился и сменил старуху“ (плуг), т. е. железный плуг вместо деревянного сабана. Дальше мы имеем такие названия частей сабана: „аслӑ сурпан хӑми“ (или „ака суначё“), доска у плуга, которая отваливает подрезанный пласт, называемая полицею (или крылом сабана); „кӗсӗн сурпан хӑми“, малая полица, прикрепляется к левой ручке и „ножу“ для того, чтобы (на ноже) не набивалась земля³. Такой же женский характер носят и названия некоторых других частей плуга (сабана), как-то: „сулӑ“ или „тӑмана“, „тӑрен“, „шӑрт“ и „кварчӑн“. О назначении их корреспондент проф. Ашмарина, учитель села Ч. Яльчик М. Д. Данилов в свое время дал подробные сведения, которые полностью занесены первым в словарь,⁴ куда мы отсылаем желающих познакомиться.

„Ака-пус“ (или „сабан“), описанный М. Д. Даниловым был в обиходе еще при нашей памяти и пользовался общим употреблением. Впрягали в него обычно шесть сильных лошадей, а иногда и восемь, смотря по величине и форме „трень“-лемеха. При них работало 2—3 мужчины, а иногда и больше. Сабаном обрабатывали обычно или дерн или „хӑртни“, ‘подсечные площади’ или места корчевания. За день с раннего утра до позднего вечера можно было распахать сабаном не более 1 — 1½ дес. земли. Лет 20—25 тому назад фабрично-заводские плуги вытеснили сабан из обихода. Старики, со слов своих предков, говорят,

¹ М. Н. Покровский, Цит. труд, стр. 2.

² Ф. Энгельс, Дialeктика природы, стр. 25. Москва — Ленинград, 1930 г.

³ Проф. Ашмарин, Словарь чувашского языка, том 1, стр. 73.

⁴ Там же.

что при них „акапуз“ был еще более примитивным. Но как бы ни было, выражаясь словами К. Вейле, нельзя отрицать „сугубой священности плуга“ (экипажа?) и вола¹ после того, как была признана за ними, после долгой практики, их необъяснимая полезность в земледелии и скотоводстве, ибо наше знакомство с первобытной культурой учит нас, что почтенная древность и все необъяснимое, кажущееся сверхъестественным, сделались предметом особого культа и почитания². И вот ему, плугу, с установлением патриархальной формы жизни и со смежной мировоззрения, стали первобытные люди приписывать решающую силу плодородия, как одному из активных орудий производства, как виновнику урожая. Не случаен поэтому и тот магический обряд, который заключался в том, что соху по окончании сева чуваша обливали водой. Влаго эту оплодотворяющая земля соха (или сабан) должна была магически сообщить (т. е. оросить) земле. Установленная практикой связь между орудием производства („акапуз“ = „сabanом“) и средством производства (землей) понималась первобытным умом в том смысле, что сабан своей работой над разрыхлением почвы как бы любовными ласками оплодотворяет землю, подобно солнцу в солнечном культе. „Пахотная земля, — говорит Эдуард Ген, — являлась как бы чреслами великой богини матери-земли. Острый же плуг оказывался символом фаллуса, который как бы взрывает недра земли и таким образом оплодотворяет ее“³.

¹ Здесь уместно вспомнить Египетского Аписа, напомнить отмеченный уже в литературе культ солнца, олицетворяемого в „Эгейских культурах“ обычно быком, указать на глиняные фигурки быка в раскопах, „погребальных площадок“, отметить рассказы чуваш о роли этого животного при образовании селений, обряд — моление чуваш „ене ыргі“ (əne ɣrgi) коровьему богу. Не забудем также и „чудесную корову“ Васишты индийской мифологии эпохи „вед“. В Индии, как известно, корова — „коровий образ“ определенно приобретал характер обожествления. Следы этого обожествления сохранила и славянская мифология. У русских, например, существует поверье, что при помощи сваренного медвежьего сала с какими-то чародейскими травами и посыпанное порошком из высушенного воловьего сердца, ведьмы и колдуны „могут испортить жениха и невесту, могут целый свадебный поезд обратить в стадо собак, волков, свиней и других животных“.

Руководство для сельских пастырей 1865 г., № 21, стр. 110. Изд. Киевской Духовной Семинарии.

² К. Вейле, Цит. труд, 98. Перевод крайне тяжел.

³ Цитировано по К. Вейле. Отсюда не случайно, что в фольклоре вола в плуге — любовь. Потребны. Объяснение малороссийских и родственных народных песен, стр. 42. Небезынтересно здесь привести следующее. В Риг-Веде понимаются гении поля, божества *Ѕуна* и *Ѕира* (*suṇa-sira*). В. Миллер указывает, что член *sira* обозначает плуг, так как в гимне говорится о запряжении *sira* для проведения борозд. „Можно думать, — пишет он, что плуг является обоготворенным на том же основании, на каком — *sira* борозда сделалась божеством“, о чем мы подробно писали в диссертационной работе. Слово *ṣunasira* с двумя акцентами употребляется в ритуале, как обозначение бога „Индры“, который назыв. *suṇasira* или *suṇasirek*, т. е. сопровождаемая *Ѕуной* и *Ѕирой*. В. Миллер. Очерки арийской мифологии в связи с древн. культурой, стр. 59. У чуваш термином *ṣuna* наз. сани, а термином *sira* плотничный инструмент для проведения черты. Почитались чувашами в старину не только „акапуз“, но и *ṣuna* „сани“. Один из праздников весны и до сих пор носит наз. „Ѕуна прасникё“ „санный праздник“. Празднуется он около „благовещения“.

Отсюда целью их бракосочетания, „целью соединения их служило, разумеется, усиление плодородия земли“. И, следовательно, вполне естественно, что народам с первобытным мировоззрением казалось необходимым для возможно полного достижения своей цели, т. е. „дабы почва, ставшая бесплодной обрела бы свое плодородие“, каждый год праздновать это священное „бракосочетание“ в той или иной форме¹. Что действительно здесь „бракосочетание“ совершается между означенными персонифицированными предметами неоспоримо подтверждается и содержанием произносимых молитв на празднике и поминаемыми в них божествами. „Акатуйран акатуйа усрър“. От (одного) акатуйа до (следующего) акатуйа пропитайте (храните)! Так обращаются чуваш до сих пор к „сърйаш“ — к ‘семейству земли’ в молитве в день „Акатуй“².

Взгляд чуваш на землю, как на женское начало, нуждающееся в оплодотворении, в браке, подтверждается еще особым обрядом, так называемой „кражей земли“, описанным в свое время попом с. Абызова Хрустальевым³. Обряд справлялся только в исключительных случаях, а именно при систематических недородах земли на участке хоз-ва. Он состоял в инсценировке обычной чувашской свадьбы того времени с пиршеством. На роль жениха обществом, иногда и целой волостью выдвигался по желанию один более честный молодой человек. В качестве невесты избирали землю с плодородного засеянного поля какой-нибудь соседней волости. В назначенный день поезжане на нескольких подводах с женихом и старцем во главе ночью, тайно от владельцев земли, приезжали на их поле и с соблюдением установленных правил и чтением молитвы брали в семи местах по лопате земли и, доставив ее на свое поле, разбрасывали. Чуваш верили, что таким колдовским путем можно перевести урожай с чужих полей на свои, т. е. магическим бракосочетанием богини-земли с ее возлюбленным молодым женихом имелось в виду помочь, по симпатической магии, усилению урожая хлебов. В сравнении с „Акатуй“ обряд этот, как подсказывают нам сами материалы (жених человек—актив одушевленный),

¹ Богатейший материал по этому вопросу дан Дж. Фрезером в книге „Золотая ветвь“, том 1, стр. 43 и др.

² В цитированной выше нами работе Р. Шмидт воспроизводит любопытный рисунок так наз. чернофигурной вазы Луврского музея. Рисунок этот состоит из изображения обнаженного и татуированного пахаря с плугом, запряженным двумя волами. Впереди него два обнаженных и татуированных сеятеля с вольным ослом, а позади обнаженный и татуированный работник, разрывающий комья только что вспаханной земли. Впереди этого работника находится др. обнаженная и также татуированная фигура, которая стоит с наклонной головой перед женским изображением, видимо, богини в тоге и с диадемой на голове. Быть может, она изображала божество межи Гермеса. Во всяком случае, мы имеем здесь несомненное подтверждение нашего осмысления первобытного производственного процесса пашни. Не случайно, возможно, и то, что чувашское название сохи — („сухалус“) лингвистически связывается с чув. наречием *falla*. Известно, что среди первобытных орудий производства находились предметы из камня фаллической формы, как напр., пест из древне-золотых рудников Казахской АССР. Вестник Аж. Наук СССР, стр. 50, № 3, 1934 г.

³ Изв. по Каз. Епархии за 1874 г., январь, № 1, стр. 13—20. Обряд этот в той или иной форме исполнялся и соседями чуваш—мари, удмуртами и др.

более позднего происхождения, но все же далеких от нас патриархальных времен. Он возник, вероятно, только в дополнение к первому, так сказать, в помощь ему. Во всяком случае его персона, жених земли, сильно напоминает нам известного умирающего и воскресающего бога. „Страшна участь этого жениха,— говорят чуваши,— сколько бы он ни был физически крепок, как бы ни была благополучна впоследствии обстановка его жизни, он не доживает до старости, а должен прежде времени умереть. Но как ни страшно это будущее, находятся, впрочем, таковые охотники на должность жениха. Они бывают обыкновенно из бедных и бесприютных сирот, для которых настоящее не утешительнее страшного будущего“¹. Последнее свидетельство определенно сигнализирует нам о правдоподобности высказанного выше мнения о времени возникновения обряда. Магницкий пишет, что местами у чуваш вышеописанным путем похищается еще вода. Только для похищения воды выбирается уже в женихи не молодой, а старик, которому неделю жить². Нет и не может быть, конечно, сомнения в том, что и этот обряд выражает собою отражение умирающей и воскресающей природы, идею страждущего, умирающего и воскресающего бога. Выступление в данном случае в обряде старика имеет безусловно свое объяснение, но об этом особо в другом месте.

Как бы то ни было, во всех приведенных случаях имеем мы дело с той особенностью первобытного мышления, которая связана со всем мироощущением и миропониманием первобытного общества и заключается в том, что им еще не проводятся четкие грани между внешними явлениями окружающей его среды и внутренними переживаниями. Для него каждый отдельный предмет жил действительной жизнью и в таинственную связь вступали между собою люди, животные, растения, вещи (анимизм, К. Э.). Ореол священности придавался всему, что почему либо вызывало к себе особое внимание человека³.

Орудия и средства труда, подобно силам природы, мышлению первобытного человека представлялись тоже оживленными божественными. Допускалось, что через определенные магические действия все эти силы можно заставить повиноваться воле и хотению человека и служить ему. Отсюда и обычай у народов мира, на что уже давно указывалось, сопровождать производство всякого рода религиозными обрядами и молитвами. Раскрытие внутреннего содержания чувашского „Акатуй“ привело нас к тому, что это — праздник пробуждающейся весны, праздник справлявшийся всеми земледельческими народами; чувашского — национального в нем только форма: обряды, молитвы и т. п.

Осмысление „Акатуй“ не будет полным, если мы не остановимся на одном характерном для всех религиозных праздников и в то же время крайне важном для нас моменте.

¹ Изв. по Каз. Епархии за 1874 г., январь, № 1, стр. 18.

² Магницкий, Материалы к объяснению старой чувашской веры, стр. 42—43. Казань, 1881 г.

³ Манасеян, Цит. труд. Наиболее полный материал об анимизме. См. Эд. Тейлор, „Первобытная культура“.